

Ночью вновь поднялась пурга. Порывы сильного ветра заставляли большие хлопья падающего снега неистово плясать в воздухе. Слуги, что караулили у входа, от холода притопывали, ругая студёную погоду. Однако для Юн Шаня эта ночь была самой тёплой в его жизни.

После того как наложница Шу забрала с собой Юн Линя, старший брат Юн Ци был особенно ласков с ним, позволил упасть в свои объятия и нежно гладил по волосам, утешая.

Длинные тонкие пальцы мягко скользили по волосам, и Юн Шань не смог сдержать тихого вздоха. Юноша нарушил тишину, царившую в комнате, и спросил у Юн Ци:

— В то время, когда Юн Линя кто-то обижал, старший брат тоже так его утешал?

Юн Ци проговорил над головой брата:

— Как думаешь? Конечно же не так.

Несмотря на равнодушный ответ, Юн Шань от радости готов был плакать. Младший брат крепко обнял старшего и не выпускал его из объятий, словно все эти чувства могли исчезнуть. Юноша поднял голову, ведь, кто знает, может, это всего лишь сон.

Хоть Юн Ци слегка покраснел, однако в сердце юноша чувствовал необычайную нежность и, вопреки ожиданиям, не выказал никакого недовольства.

Чан Дэфу, уладив дела с Юн Линем и наложницей Шу, стоял на пороге и собирался спросить, подавать ли ужин или нет. Испытывая страх, словно в его груди билось заячье сердце, Чан Дэфу всё же вошёл в комнату. Слуга был в недоумении, увидев, что не только Его Высочество Юн Ци не впадает в истерику, но и злой до этого наследный принц ведёт себя спокойно.

Юн Шань, услышав о еде, улыбнулся и приказал подавать ужин. Юноша отказался садиться напротив Юн Ци, с трудом потеснившись на краю мягкой скамьи. Опустившись на колени, двое братьев приступили к трапезе.

Во время ужина Юн Шань, смеясь, стал специально говорить о превосходных лакомствах. Его слова звучали легко и просто. Юн Ци же совершенно не хотел омрачать радость младшего брата. Юноша сдержанно улыбался и притворялся, что увлечённо слушает, однако практически не поддерживал беседу. Аппетита не было. Юн Ци заставил себя немного поесть и выпил горячий бульон. Сказав, что наелся, юноша решил пойти помыться, а после лечь спать.

— Ах, старший брат сегодня смертельно устал и должен пораньше пойти спать, — проговорил Юн Шань и тотчас же позвал стоящих за дверью слуг, чтобы те помогли Юн Ци принять ванну.

Выпустив из рук палочки для еды, юноша поднялся вслед за старшим братом. Увидев, как Юн

Ци разворачивается и идёт к двери, Юн Шань спешно позвал его:

- Старший брат.

Сделавший шаг Юн Ци испугался, услышав голос Юн Шаня, и обернулся посмотреть, что случилось.

Наследный принц приблизился к юноше, внимательно поглядел на него и с улыбкой сказал:

— Ничего, просто на улице холодно, не хочу, чтобы старший брат простудился.

Юн Ци, ощутив его безграничную любовь, невольно растрогался и ответил:

— Ты, наследник престола, тем более должен беречь себя.

Сказав это, юноша опустил голову, развернулся и вышел из комнаты.

Выйдя в крытую галерею, где его уже ждали слуги, Юн Ци отправился в маленькую боковую комнату, которую уже подготовили для него. Пар заполнил пространство, а большая деревянная бочка была наполнена горячей водой. Рядом тоже стояли бочки с водой, но поменьше. Их специально подготовили для того, чтобы в любой момент можно было добавить тепла в остывшую воду.

Юн Ци снял верхнюю одежду, оставшись лишь в белом нижнем белье. Ему не хотелось, чтобы кто-то посторонний видел отметины на его теле. Юноша попросил слуг удалиться, так как ему спокойнее было без них, и те, проронив: «Слушаемся», один за другим вышли из комнатки.

Только один слуга, чтобы его не заметили, притаился в тёмном углу и, дождавшись, когда все уйдут, тихо покинул своё убежище. Подойдя к Юн Ци, мужчина почтённо поклонился и тихо проговорил:

— Ваше Высочество, Ваш слуга пришёл передать послание от госпожи.

Юн Ци обернулся. Перед ним стоял человек, лицо которого юноша плохо помнил, однако это именно он в прошлый раз передавал сообщение от матушки.

Неизвестно, откуда у наложницы Ли были такие способности. Кто бы мог подумать, что, находясь в Холодном дворце, женщина обзаведётся глазами и ушами даже во дворце наследного принца.

Несмотря на то, что юноша был в нижнем белье, да и в комнате было достаточно жарко, тело

всё равно обдало холодом, а из уст донеслось едва слышимое:

— Это ты? Что передать?

Спрашивая слугу, Юн Ци в глубине души понимал, что матушка хочет заполучить письмо Гун Ухуэя.

И действительно, мужчина тихо произнёс:

— По правде сказать, очень тяжело передавать Вам сообщения от заключённой госпожи. Вашему слуге пришлось очень долго ждать, пока госпожа даст ему указания. Вопрос всё тот же: Ваше Высочество Юн Ци собирается заполучить бумагу? Если она уже у Вас, то непременно передайте её госпоже и не заставляйте матушку переживать по этому поводу.

Юн Ци почувствовал слабость.

Юноша тогда, находясь в Холодном дворце, дал обещание наложнице Ли, однако он так и не решился исполнить её просьбу. Если бы он приложил все силы, то постарался бы забыть и отказаться от прошлого. Однако он и сам прекрасно понимал, что от этого письма зависит жизнь матушки. Ему не было оправданий, ведь он жил в постоянном страхе и искал разные отговорки, лишь бы не помогать.

Если говорить о сыновьем почтении, то юноша действительно погряз в долгах.

Юн Ци робко проронил:

— Я не знаю, куда наследный принц спрятал эту бумагу. Я ищу, где только можно. Как только найду, так сразу же отдам её матушке.

Слуга с удовольствием спросил:

— Ваше Высочество не знает? Его Высочество Юн Шань, когда занял дворец наследного принца, никому не позволил что-либо в нём менять. Позвольте Вашему слуге абсурдное предположение. Его Высочество Юн Шань оставил всё как есть, по всей вероятности и те вещи, которыми раньше пользовался Ваше Высочество, тоже. Ведь таким образом, чувствуя себя как дома, Вашему Высочеству не будет проще что-то найти?

Сейчас, когда их отношения с Юн Шанем налаживались, Юн Ци совершенно не хотелось причинять вред младшему брату, и юноша нашёл отговорку:

— Разве может это сравниться с домом? Я во дворце наследного принца лишь для того, чтобы исполнить приказ — подумать над своими поступками и постичь знания, как я могу своевольно

здесь что-то искать? Тем более Юн Шань умный человек и не станет такую важную вещь класть туда, откуда я с лёгкостью могу её взять.

Слуга тоже был весьма смышлёным человеком и по манере речи Юн Ци сразу понял, что тот исполняет поручение матушки спустя рукава. Опустив голову, слуга с уважением проговорил:

— Ясно, Ваш слуга лишь передал сообщение, а Ваше Высочество пусть делает так, как сам считает нужным. Ваша матушка просила ещё кое-что Вам передать.

— Что передать?

— Госпожа сказала, что теперь Юн Шань занимает место наследного принца, хоть он и Ваш младший брат, однако его манеры и мысли под стать взрослому мужчине и разгневаться он может не на шутку. Госпожа хочет, чтобы Ваше Высочество действовал осторожно. Если Ваше Высочество почувствует, что Небо ему благоволит, то пусть действует без промедления, а если почувствует опасность, то пусть лучше затаится и не делает лишних движений.

Поначалу Юн Ци предполагал, что матушка Ли станет упрекать его, но, неожиданно услышав последнюю фразу, хмуро произнёс:

— Что матушка хочет этим сказать?

— Всё просто: она хочет сказать, что лучше мать умрёт, сохранив жизнь сына, чем мать и сын будут вариться в одном котле. Ваше Высочество, что бы ни случилось, должен в первую очередь беречь себя.

Юн Ци неожиданно впал в ярость:

— Что значит — мать умрёт, сохранив жизнь сына? Ты... ты сейчас специально шантажируешь меня? — Юноша злился и в то же время волновался. Боясь, что их кто-нибудь услышит, юноше пришлось ругать слугу низким дрожащим голосом, но даже в гневе его слова звучали несколько фальшиво.

— Ваш слуга не осмелился бы, Ваш слуга оговорился, и в его словах нет никакого смысла. — Мужчина два-три раза махнул руками и, внезапно набравшись храбрости, поднял голову, глядя прямо в глаза Юн Ци. Не дожидаясь слов юноши, слуга внезапно рухнул на колени, в его глазах стояли слёзы: — Ваш слуга раньше являлся придворным евнухом. В шестнадцать лет Ваш слуга совершил грубую ошибку, и если бы не милость госпожи, то управляющий давно забил бы меня до смерти. Правила дворца очень строгие, а человеческая жизнь подобна траве. Если узнают, что в Холодном дворце есть трещина, обойдётся лишь одной смертью? Ваш слуга труслив. Он цепляется за жизнь и боится смерти, однако он всё равно не смог смотреть, как мучается госпожа и теряет свою жизнь.

Слуга шептал, глотая слёзы, и чем дальше он говорил, тем больше падал духом. Поскольку нельзя было говорить громко, мужчина с силой кусал губы, оставляя кровавые отметины.

Зимней ночью в горячей комнате было заметно, как клубы пара потихоньку становятся тоньше, а Юн Ци, который слушал сдавленный горький плач, дрожит от холода.

Поначалу юноша возненавидел этого оказывающего на него давление слугу, однако сейчас чувствовал лёгкую неловкость. Посмотрев какое-то время на мужчину, Юн Ци прошептал:

— Тебе... не нужно плакать.

Голос принца потряс слугу, и мужчина был не в силах сдержать свои чувства. Пресмыкаясь перед юношей, он крепко обнял его ноги и слёзно проговорил:

— Ваше Высочество, знаете ли Вы, каково это — жить в Холодном дворце? Невозможно увидеть света белого, каждый день словно ночь: открыл глаза и закрыл — ничего не происходит. Это тупик. Умер человек, его тело схоронили, и о нём больше никто и не вспомнит. Ваше Высочество, нельзя допустить, чтобы госпожу ждал такой же конец! Она же Ваша родная мать, Ваше Высочество!

Голос слуги звучал удушающе, казалось, будто каменная глыба сжимает сердце, не позволяя мужчине говорить, а лишь захлёбываться кровью.

В душе Юн Ци хотелось скрыться, отступить. Однако слуга так сильно сжимал его ноги, что юноша совершенно не мог сдвинуться с места.

— Ваше Высочество, Вы же единственный сын госпожи. Если Вы не побеспокоитесь о своей матушке, то кто ещё спасёт её жизнь? — Слуга настойчиво молил: — Вам не понять этого, ведь Вы живёте в уюте. Стоило найти покровителя, как Вы тут же забыли о мучениях своей матушки! Неужели Вы забыли? В то время, пока Вы радовались жизни во дворце наследного принца, госпожа Шу в Холодном дворце настаивала, чтобы Ваша матушка покончила с собой, и даже яд... яд принесла госпоже! Если бы не родной сын, стала бы госпожа подвергать себя таким страданиям?

Неразумный Юн Ци внезапно словно пробудился ото сна. Будто ранив себя, юноша почувствовал острую боль во всём теле, а в голове мгновенно появилось одно лишь слово «непочтительный»!

Верно, он, находясь под покровительством Юн Шаня, наслаждался сладкими мгновениями жизни, в то время как наложница Шу отправила матушке в Холодный дворец яд, который попался ему на глаза.

Лишь переступив порог мрачного Холодного дворца, создавалось ощущение, будто человек

оказался в преисподней.

Но матушка целыми днями была заключена там и, поднимая лицо к небу, надеялась на спасение.

В комнату стал проникать холодный воздух, смешиваясь с паром и заполняя собою пространство. Юн Ци ненадолго охватило чувство сожаления, однако его выражение лица было невозмутимым. Юноша опустил голову и обратился к слуге:

— Не плачь, здесь не место для рыданий.

Дождавшись, пока мужчина прекратит всхлипывать, юноша вновь спросил:

— Как тебя зовут?

— Вашего слугу зовут Хэ Цзюнянь.

Медленно протянув: «М-м», юноша шёпотом проговорил:

— Хэ Цзюнянь, иди и скажи моей матушке... — Юн Ци внезапно остановился и, вспомнив, каким счастливым был находившийся в его объятиях Юн Шань, почувствовал тоску, которая в одночасье охватила душу. Слезы готовы были сорваться с ресниц и обжечь кожу. Но, сдержав эмоции, юноша вновь тихо проговорил: — Скажи, что я найду... способ, и прошу её почтеннейше только... только успокоиться.

Дав ответ, юноша отослал слугу, и, немного постояв на месте, вспомнил, что ещё не мылся.

Юн Ци снял с себя нижнее бельё, подошёл к деревянной бочке и опустил руку в воду. Температура была недостаточно высокой, однако вполне пригодной для мытья.

Охваченный печалью Юн Ци совершенно не обращал внимания на прохладную воду, погрузился в неё почти по шею и, глядя на изображённые на стене персики, впал в глубокое раздумье.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда тело Юн Ци неожиданно задрожало. Придя в себя, юноша заметил, что вода полностью остыла, и тело время от времени сотрясалось от холода.

А по лицу уже давно катились слёзы.

Юн Ци родился недоношенным ребёнком, что сказалось на его здоровье. Прекрасно это осознавая, юноша вылез из бочки и, посмотрев на бледное тело, понял, что переохладился и,

вероятно, скоро заболеет.

И снова он не обратил на это особого внимания.

Самостоятельно одевшись и не желая вызывать подозрений у Юн Шаня, юноша специально задержался в комнате, чтобы старательно растереть пальцы, запястья, пока его руки не потеплеют и не приобретут красноватый оттенок. После чего Юн Ци приказал слугам принести горячую воду и умыл лицо.

Закончив, юноша вернулся в комнату, где увидел Юн Шаня.

Младший брат уже давно помылся в другой боковой комнатке. Сейчас, облачённый в свободный халат, он прислонился к спинке кровати и читал, ожидая Юн Ци. Как только Юн Шань увидел, что старший брат вернулся, он спешно отложил книгу в сторону и приветливо спросил:

— Старший брат так долго мылся, что я уже заждался. — Наследный принц внезапно остановился и с удивлением спросил: — Почему у тебя глаза красные, словно ты плакал?

Юн Ци подсознательно потёр глаза, говоря:

— Горячая вода слишком расслабляет, и когда я окунался, то нечаянно захлебнулся.

Юн Шань с сожалением поцокал языком:

— Знал бы раньше, то лично бы позаботился о старшем брате.

— Не носи вздор!

Вспомнив, что было перед купанием, Юн Шань вновь вернулся к беседе:

— За ужином старший брат не обмолвился и словом, значит ли это, что его мысли намного важнее, чем присутствие наследного принца?

Юн Ци остолбенел. Он был обеспокоен, ведь Юн Шань с первого слова попал в цель. Юноша внезапно растерялся, не зная, что и ответить.

Наследник престола вновь проговорил:

— Старший брат не должен волноваться: небеса обрушатся на голову другим. Дай мне немного времени, и я обещаю, что никто больше не причинит тебе беспокойства.

Юн Ци ненадолго окаменел, а его губы побелели словно снег. Горячее дыхание вырвалось из груди, но юноша продолжал хранить молчание. Спустя некоторое время он поднял руку и, прижав рукав к уголку глаза, тихо проронил:

— В таком случае тебе стоит сохранить сначала самого себя.

На что Юн Шань ответил:

— Само собой разумеется.

Юн Ци лёг в постель, а младший брат, в свою очередь, со спокойной небрежностью откинул одеяло и прижался к юноше.

Почувствовав лёгкую щекотку на бедре, Юн Ци понял, что Юн Шань вновь ищет способы, как бы подобраться к нему. Румянец тотчас же залил скулы. Схватив под одеялом руку юноши, Юн Ци умоляюще проговорил:

— Юн Шань, не нужно сегодня заниматься этим. Успокойся, обними меня и давай спать.

Наследный принц покорно последовал желанию юноши:

— Обнимать старшего брата тоже хорошо.

Крепко обняв Юн Ци двумя руками и позволив тому положить голову себе на плечо, Юн Шань спросил:

— Так удобно?

Голос его звучал нежно, стирая в памяти Юн Ци те дни, когда младший брат жестоко относился к нему. Лишь чувство тоски охватывало его душу, словно они жили в вечной разлуке.

Юн Ци боялся разомкнуть губы, чтобы никто не услышал его плача. Он не смел прервать тишину своим голосом. Лёжа на плече Юн Шаня, юноша так и не проронил ни слова, что можно было расценивать как согласие. В душе он думал, что опираться на широкое плечо Юн Шаня вполне удобно. За окном снег застлал всё небо, однако здесь, в объятиях младшего брата, было тепло, как весной, и было бы замечательно, если бы это мгновение длилось всю жизнь.

Но, к сожалению, жизнь была глуха к его мольбам.

<http://bllate.org/book/13372/1189595>